

11.04.94

Евгений НЕСТЕРЕНКО:

САМОЕ СТРАШНОЕ — ПОТЕРЯТЬ ГОЛОС

О чем вы думаете, когда вспоминаете, что у вас ныне юбилейная пора?

— Думаю о всей своей творческой, да и не только творческой жизни, о том, что привело меня на оперную сцену. Конечно, вспоминаю тех людей, которые помогли мне найти свое место в жизни. Это прежде всего мои педагоги — Мария Михайловна Матвеева и Василий Михайлович Луканин, сделавшие больше всех для того, чтобы я стал артистом. Вспоминаю также всех, с кем прошел этот творческий путь — дирижеров, режиссеров, художников, певцов и многих других театральных людей вплоть до самого скромного капельдинера любого театра, где мне только доводилось петь.

— Как бы вы хотели, чтобы о вас вспоминали потомки?

— Мне бы хотелось, чтобы они не утратили интереса к тому искусству, которое умирает раньше самого исполнителя, чтобы знали и любили сделанные мною грамзаписи, фильмы-оперы, в которых я снимался. Я верю, что серьезная музыка, которой служу всю жизнь, будет всегда необходима людям.

— Ваши записи приносят вам удовлетворение?

— К своим записям у меня очень сложное отношение. Когда в первый раз их прослушиваю, всегда прихожу в ужас: мне страшно все не нравится. Но постепенно многие из них я начинаю принимать и привыкаю к ним. Любимой же, пожалуй, могу назвать лишь одну пластинку — «Нам дороги эти позабыть нельзя», записанную «Мелодией» по трансляции из Колонного зала Дома Союзов с вечера, посвященного 40-летию Великой победы. Концерт слушали фронтовики, знающие и помнящие то военное время. И их реакция на мое исполнение этих песен, да и настроение, царящее во всей стране, конечно, отразились и на мне, и я тогда пел как никогда удачно.

— Что вам кажется вечным в музыкальном исполнительстве?

— Совершенство, к которому удается приблизиться лишь немногим, а достичь — не было и не будет дано никому. Но стремление к этому совершенству делает артистов лучше, интереснее и ярче.

— В вашей творческой жизни существуют абсолютные авторитеты?

— Святослав Рихтер и Георгий Свиридов — мой старый друг и гениальный композитор. Эти люди, я считаю, делают жизнь в нашем искусстве прекраснее и выше.

— Чем вы гордитесь сегодня и будете гордиться завтра?

— Мировым признанием русской вокальной школы, для которого, полагаю, я сделал очень много и как певец, и как педагог.

— Пресса в ваш адрес что-нибудь значит для вас?

— Я всегда стараюсь прочитать все, что обо мне пишется, ибо любая оценка способна дать толчок к очень интересным размышлениям. Но, к сожалению, мне редко удается встретить умную и компетентную критику, особенно у нас в стране. Хотя должен признаться, что мне, слава Богу, еще не доводилось получать разгромной или даже просто отрицательной прессы.

— Как вы относитесь к тем, кто стремится вас подражать?

— Я бы не хотел, чтобы мне подражали, копируя мои роли. Желал бы только, чтобы стремились перенять мое строгое и серьезное отношение к своему делу, которое, судя по оценкам коллег и прессы, мне всегда свойственно.

— Скажите, вы сегодня выходите на сцену с таким же удовольствием, как и в начале своего творческого пути?

— Не всегда. Я много работал и работаю, от чего, естественно, очень устал. И ощущения безумного счастья, которое было в начале пути только от одной мысли, что выступаю на сценах таких театров, как Большой, «Ла Скала», Венская Штата-Опера или «Колон», конечно, сейчас уже нет. Иногда мне просто не хочется выходить к слушателям, но как только загремируюсь, надену костюм и зазвучит увертюра — я снова в рабочем настроении и счастлив оттого, что участвую сегодня в спектакле, тем более, что пою только в тех операх, которые люблю.

— А какая она — самая любимая?

— Чаще всего любимцами становятся новые или редко исполняемые оперы, потому что, как правило, все роли приедаются. И все же, несмотря на это, для меня особняком стоит образ Бориса Годунова. Ответ, конечно, банальный и традиционный. Однако трудно отрицать то, что и в вокальном, и в драматическом плане нет ничего более сложного и интересного для баса, чем шедевр, созданный Мусоргским. К тому же я пою его во всех существующих редакциях и версиях, зная партию вдоль и поперек.

— А что в вашем самодержце Борисе от Евгения Нестеренко?

— Как и в любой своей роли, я пытаюсь использовать здесь те качества своей натуры, которые кажутся мне присущими характеру Бориса. Это прежде всего любовь к детям, нашедшая столь яркое проявление в его поведении. Те угрызения совести, которые, в конечном счете, его и погубили и которые по разным причинам я испытывал и испытываю сам в своей жизни.

— Каких вы ждете сегодня предложений от своих импресарио?

— Можно сказать, что я перепел весь интереснейший басовый репертуар, существующий в мире. Я первый и пока единственный русский исполнитель многих партий в операх итальянских, французских и немецких композиторов. Например, недавно я получил предложение, которого долго ждал, — спеть Бартоло в «Свадьбе Фигаро» Моцарта, в Вене летом этого года и сейчас с большим желанием работаю над этой ролью. И все-таки у меня есть одна мечта — партия Дон-Кихота в одноименной опере Массне, написанной им специально для Шаляпина, которую мне бы очень хотелось воплотить на сцене. Однако игра сил за кулисами мирового оперного театра чрезвычайно прихотлива и не всегда понятна, поэтому трудно предвидеть, какие силы и когда создадут такую обстановку, что ты окажешься приглашенным на определенную роль. Но в любом случае мне грешно жаловаться, ибо мне

очень часто везло, и я получал множество интереснейших предложений.

— С какими импресарио вы сегодня работаете?

— Самые интенсивные контакты у меня с Руди Раабом из Вены, с англичанином Робертом Слотовером, с которым я сотрудничаю уже давно, с итальянцем Марио Дради, являющимся сейчас импресарио, и Хосе Каррерасом, с парижской менеджерской фирмой «Опера и концерт». Так что, к счастью, предложений намного больше, чем я могу принять.

— Что вы считаете своей последней сценической удачей?

— Судя по реакции зала и отзывам критики, несомненной моей удачей стал дон Паскуале в одноименной опере Доницетти, которого я исполнил впервые на сцене Гамбургской оперы в 1992 году. Эту партию как-то давно я уже записал на пластинку, но до сих пор в теат-

ральных постановках этой оперы участия не принимал. Это отнюдь не последняя моя работа, но она дорога мне тем, что для меня это первая роль в амплуа баса-буф. И, кажется, мне удалось найти удачные как вокальные, так и сценические краски.

— На какой оперной сцене мира вам комфортнее всего петь?

— Конечно, на сцене Большого театра. Хотя для меня столь же удобны и сцены «Ла Скала», Венской, Гамбургской и Мюнхенской опер. И все-таки нет большого счастья для любого певца, чем петь на главной оперной сцене своей страны на родном не только для себя, но и для слушателей языке. Так как возникающая при этом атмосфера взаимопонимания очень важна и абсолютно бесценна.

— Что вы думаете о сегодняшних творческих проблемах Большого театра?

— Большой театр, будучи частью своей страны, переживает сегодня те же трудности, что и она. Многие проблемы театра есть отражение той ситуации, в которой сегодня находится наша культура. Я не хочу и не могу говорить о каких-то личностных вопросах. Они в любом театре и в любое время всегда есть, были и будут. Но несмотря на это, к чести Большого, его руководства, всех работников, артистов, преданных ему и по-своему любящих его, театр существует, что само по себе уже удивительно и радостно. Кстати, и многие оперные труппы Западной Европы из-за своего экономического положения вынуждены сегодня отменять большинство ранее запланированных премьер.

— Каково ваше отношение к новой постановке Большого театра оперы Бородина «Князь Игорь», вызвавшей такое множество самых поллярных мнений?

— Я впервые за свою творческую жизнь встречаю в нашей стране такое громадное количество откликов на театральную премьеру. Хотя бы в этом плане мы уже достигли уровня всего цивилизованного мира. Что же касается полярности оценок самой постановки, то она вполне закономерна. Ведь, как известно, Бородин не закончил партитуры, написав лишь отдельные сцены из оперы, а Глазунов и Римский-Корсаков использовали далеко не все из оставленного им. Если рассматривать эту сценическую версию оперы как этап в создании более полного и связанного сюжета, то, несмотря на очевидную спорность спектакля, это несомненный успех, прежде всего, музыки Бородина. Заслуживают вдумчивого внимания и прекрасная сценография Валерия Левентяля, блестящая дирижерская работа Александра Лазарева, не говоря уже об интереснейшем режиссерском решении Бориса Александровича Покровского, имевшего огромный зрительский успех.

— Чем отличается ваша трактовка образа Кончака в этом спектакле от всех остальных, созданных вами прежде?

— За многие годы исполнения этой небольшой, но исключительно яркой и интересной партии, которую мне довелось петь на лучших оперных сценах мира, я составил свой образ Кончака. И сегодня не позволяю ни дирижерам, ни режиссерам вмешиваться в то, что я создал сам. В спектакле Покровского я тоже играю совсем не так, как он поставил. Я попросил его дать мне волю делать на сцене все так, как я чувствую. Он разрешил мне, сказав: «Вам это можно!» Естественно, я всякий раз стараюсь учитывать особенности мизансцен спектакля, которые изменить невозможно. Учитываю также костюмы и декорации, всегда вносящие свои коррективы в облик и характер героя, которые отличаются в каждом театре и в каждой постановке. Но при всем этом вокально-музыкальная и драматическая основа моего образа Кончака остается неизменной.

— А где вы талантливее — на сцене или в жизни?

— Думаю, что на сцене. Ибо нескольких талантов у человека не бывает, и именно сценический талант мне подарила судьба. А в жизни я очень не уверенный в себе человек.

— В чем чаще всего вас упрекают ваши близкие?

— В ворчливости. (Смеется.)

— А в ком душа вашего успеха?

— В моей супруге, которая мне всегда помогает во всем.

— Простите, тривиальный вопрос. От чего вы бы хотели отказаться в своем прошлом?

— Я ничего не хочу изменить или забыть в своем прошлом. Я имею хорошую память на все происходящее в жизни. А в ней, конечно же, было, и думаю, что еще будет много тяжелого и разочаровывающего.

— Воспоминания для вас благо или испытание?

— И то, и другое. В зависимости от настроения. Но по большому счету воспоминания мне не подвластны, ибо они часто приходят ко мне в душу непрошенными гостями, и я вынужден им подчиняться.

— А чего боится Евгений Нестеренко?

— (Долгая пауза). Потерять голос.

— А вы бы могли охарактеризовать себя одной фразой?

— ...Он счастлив только на сцене.

Беседу вела
МАРИЯ БАБАЛОВА